

В конце концов каждый из спорящих остался при своем мнении.

Я всем сердцем был на стороне Макса. Но, конечно, не произнес ни слова.

Теперь, выводя из глубины памяти подробности этого спора, я отчетливо помню, что эта дискуссия проходила в одной из двух комнат на втором этаже. Значит, еще не была встроена мастерская. Итак, дата "двенадцатый год" верна.

* * *

... Приближался день моего отъезда из Коктебеля. Мне казалось несомненным, что лето будущего, четырнадцатого, года я проведу опять - в четвертый раз! - в доме Волошина. Об этом я заранее договорился с Еленой Отгобальдовной. Мне и в голову не могло прийти, что пролетят тридцать семь лет - прежде чем я смогу снова перешагнуть порог дома Макса.

Конечно, я дорожил каждым коктебельским днем. И все же срок отъезда неумолимо приближался. Наконец, настал день, когда я должен был в последний раз пожать руку Макса. Но я не знал, что это - в последний раз...

Все знают, что Макс был убежденным "хиромантом". И большинство друзей Макса настойчиво просили его посмотреть линии их ладоней, "погадать". Но Макс очень редко соглашался. И я тоже как-то обратился к нему с той же просьбой. Но Макс молчаливо уклонился. И я больше не надоедал ему.

Однако несколько раз я был свидетелем, как Макс, согласившись на просьбу, у кого-нибудь "смотрел ладонь". И у меня создалось впечатление, что это для него не так просто, что такое "гадание" для Макса связано со своего рода "медитативным напряжением".

В своих стихах Макс не раз говорит о чтении линий руки. "Раскрыв ладонь, плечо склонила..." И еще детальней:

Мой пыльный пурпур был в лоскутках,
Мой дух горел: я ждал вестей,
Я жил на людных перепутьях
В толпе базарных площадей.
Я подходил к тому, кто плакал,
Кто ждал, как я... поэт, оракул
Я толковал чужие сны...
И в бледных бороздах ладоней
Читал о тайнах глубины
И муках длительных агоний...

.....
Я уже должен был идти. Меня ждали: я ехал не один. Я зашел в мастерскую, чтобы сказать Максиму "до свидания" - и в неудачный момент. Макс рисовал портрет. Кого? Не помню. Модель была женская. Быть может, Субботина⁴⁵⁶?..

Макс не любил, когда его отрывают от портретирования. И я зашел на полминуты. Протянул руку: "До свидания, Макс. До будущего лета!"

Но Макс взял мою руку - и повернул ладонью вверх. Потом взял левую...

Он сказал:

- Мне сейчас некогда. Потом как-нибудь я посмотрю внимательней. ...

Последний раз, когда я говорил с Максом.

Максимилиан Волошин РЕПИНСКАЯ ИСТОРИЯ

Когда несчастный Абрам Балашов исполосовал картину Репина "Иоанн Грозный и его

⁴⁵⁶ Капитолина Субботина - актриса Свободного театра в Москве.

сын", я написал статью "О смысле катастрофы, постигшей картину Репина"⁴⁵⁷.

На другой день после катастрофы произошел факт изумительный: Репин обвинил представителей нового искусства в том, что они подкупили Балашова. Обвинение это было повторено Репиным многократно, следовательно, было не случайно сорвавшимся словом, а сознательным убеждением.

Оно требовало ответа от лица представителей нового искусства.

Так как для подобных ответов страницы газет и журналов закрыты, то мне пришлось сделать его в форме публичной лекции.

В своем обвинении Репин указывал прозрачно на художников группы "Бубновый валет" и назвал по имени г. Бурлюка⁴⁵⁸. Я счел моральной обязанностью отвечать Репину под знаком "Бубнового валаета"⁴⁵⁹, ни членом, ни сторонником которого не состою, хотя многократно, в качестве художественного критика, являлся его толкователем.

Я прекрасно знал, что мое выступление совместно с "Бубновыми валетами" повлечет для меня многие неприятности, злостные искажения моих слов и нарочито неверные толкования моих поступков. Но обвинение Репина я, как участник прошлогодних диспутов об искусстве, принимал и на себя, и отвечать на него счел долгом вместе с ними.

В лекции своей я не касался репинского искусства и его исторической роли вообще. Эта тема слишком большая и общая. Для нее нужна книга, а не лекция. Я говорил только о его картине "Иоанн Грозный и его сын". Я выяснял, почему в ней самой таятся саморазрушительные силы и почему не Балашов виноват перед Репиным, а Репин перед Балашовым.

Читатель найдет в тексте лекции мое толкование реализма и натурализма и, главным образом, выяснение роли Ужасного в искусстве.

Узнав перед началом лекции, что Репин находится в аудитории, я счел своим долгом подойти, представиться ему, поблагодарить за то, что он сделал мне честь прийти выслушать мой ответ и мои обвинения против его картины лично, и предупредить, что они будут жестоки, но корректны.

Последнее было исполнено, как всякий может убедиться из текста моей статьи.

Отвечая мне, Репин имел бестактность заключить свою речь словами: "Балашов - дурак, и такого дурака, конечно, легко подкупить".

Как можно было ожидать, и мои слова, и все, происходившее на диспуте, было извращено газетами. ... В главе "Психология лжи" я даю точный протокол диспута и восстанавливаю процесс преобразования действительности.

Относительно же членов общества "Бубновый валет" я должен сказать, что их участие в данном случае ограничивалось только административным устройством: никто из них в самом диспуте участия, как оратор, не принимал, так как даже г. Бурлюк, который вел себя на этот раз очень сдержанно, членом "Бубнового валаета" не состоит.

Те же ругательные слова, что звучали в зале, относились только ко мне и исходили из уст самого Репина и его учеников.

⁴⁵⁷ 317 А. Балашов изрезал картину Репина 16 января 1913 г. Статья Волошина "О смысле катастрофы, постигшей картину Репина" напечатана в газете "Утро России" 19 января 1913 г.

⁴⁵⁸ Бурлюк Давид Давидович - художник и поэт-футурист.

⁴⁵⁹ 318 Благожелательные отзывы о художниках "Бубнового валаета" содержались в статьях Волошина "Московская хроника" (журнал "Русская художественная летопись". Спб., 1911. № 1) и "Художественные итоги зимы 1910-1911 гг. (Москва)" (Русская мысль. 1911. № 5). Затем, 12 и 24 февраля 1913 года, Волошин выступал на диспутах "Бубнового валаета" в Москве. Поэт-футурист Бенедикт Лифшиц впоследствии объяснял, что Волошин был приглашен "Бубновым валетом" "в качестве референта", как художественный критик, "отличавшийся известной широтой взглядов" и чуждый "групповой политике Грабарей и Бенуа" (Лифшиц Б. Полуротаглазый стрелец. Л., 1933. С. 84)

Надеюсь, что сторонники Репина, на лекции не присутствовавшие, но покрывающие десятками подписей протесты против моего "поступка", не ограничатся одними лирическими восклицаниями, личными, на мой счет, инсинуациями и сочувственными адресами оскорбленному художнику.

Вот точный текст моей лекции. Они его обязаны прочесть. Я жду на мои обвинения, обращенные против картины Репина, ответа по существу. Того ответа, которого я еще не получил ни от самого художника, ни от его защитников. ...

Психология лжи

В Берлинском университете, в Институте экспериментальной психологии, был сделан следующий опыт над студентами: во время лекции в аудиторию ворвался арлекин, а вслед за ним негр с револьвером в руке. Они добежали до середины амфитеатра. Здесь негр настиг арлекина, но тот свалил его с ног, после краткой борьбы вырвал у него револьвер, вскочил и убежал в противоположную дверь, а негр вслед за ним. Вся сцена длилась не больше двадцати секунд. Она была заранее подготовлена и разучена двумя актерами; все их движения срепетированы и записаны; костюмы и грим нарочно выбраны самые характерные и бросающиеся в глаза и предварительно сфотографированы. Револьвер не был заряжен.

Спустя две недели всем студентам, присутствовавшим при этом опыте, было предложено описать, что произошло. Получилась коллекция самых противоречивых показаний. Никто не мог определить точно, в каком костюме был негр, в каком арлекин, и большинство утверждало, что арлекин гнался за негром, а негр стрелял в арлекина. Многие слышали выстрел своими ушами. При этом надо принять в соображение, что свидетели хотя и не были подготовлены к данному эксперименту, однако находились в курсе подобных психологических опытов.

То, что произошло на моей лекции 12 февраля в Политехническом музее между мной и Репиным, и то, какие формы это приобрело сперва в газетных отчетах, потом в газетных статьях и, наконец, в коллективных и индивидуальных протестах в виде писем в редакцию и адресов, весьма напоминает опыт, произведенный в Берлинском университете.

Случай этот настолько характерен для психологии возникновения и развития лжи, что мне кажется интересным изложить фактически все то, что было, и во что все превратилось.

Лекция моя "О художественной ценности пострадавшей картины Репина" составляла тему для диспута "Бубнового валета". "Бубновый валет" взял на себя все хозяйственные хлопоты по устройству лекции, но этим его роль и ограничилась. Никто из членов общества "Бубновый валет" в диспуте участия не принимал.

Председательствовал присяжный поверенный Александр Богданович Якулов. Официальными оппонентами моими были литераторы: Георгий Иванович Чулков, Алексей Константинович Топорков⁴⁶⁰ и художник Давид Давидович Бурлюк, который членом общества "Бубновый валет" не состоит.

Перед началом лекции представитель полиции объявил председателю, что участие в прениях разрешается только лицам, заранее помеченным в программе. Таким образом, никакое выступление членов общества "Бубновый валет" на данном диспуте не было возможно.

После лекции, по ходатайству председателя, представитель полиции дал, в виде исключения, право голоса самому Репину и его ученику г. Щербиновскому⁴⁶¹.

Таким образом, на диспуте говорили: И. Е. Репин, г. Щербиновский, Георгий Чулков, А. К. Топорков, Д. Д. Бурлюк и я. Ни одного "бубнового валета".

Перед лекцией я имел следующий разговор с И. Е. Репиным. Узнав, что он в аудитории, я направился на верх амфитеатра, где мне его указали. Никогда не выдав его в

⁴⁶⁰ Топорков А. К. (1882-?) - философ, критик и журналист

⁴⁶¹ Щербиновский Дмитрий Анфимович (1887-1926) - художник.

лицо, я спросил: "Не вы ли Илья Ефимович Репин?"

Получив утвердительный ответ, я представился и сказал: "Очень извиняюсь, что вам, вопреки моему распоряжению, не было послано почетного приглашения" (это было фактически так).

На что Репин ответил мне: "Если бы я его получил, я бы не пошел. Мне не хочется, чтобы о моем присутствии здесь было известно". Затем я поблагодарил его за то, что он пришел лично выслушать мою лекцию, прибавив: "Мне гораздо приятнее высказать мои обвинения против вашей картины вам в глаза, чем вы стали бы потом узнавать их из газетных передач. Предупреждаю вас, что нападения мои будут корректны, но жестоки". На это Репин ответил мне: "Я нападений не боюсь. Я привык". Затем мы пожали друг другу руки и я спустился вниз, чтобы начать лекцию.

Лекция моя была выслушана спокойно, без перерывов. Только в одном месте, когда я говорил о том, что произведениям натуралистического искусства, изображающим ужасное, - место в Паноптикуме, кто-то из кружка Репина крикнул: "Как глупо!" Когда на экране появился портрет Репина - ему была устроена публикой овация. Когда я закончил свою речь, раздались аплодисменты, перемешанные со свистками. Было ясно, что одна часть публики сочувствует Репину, другая - идеям, высказанным мною.

С этого момента я перестаю быть активным действующим лицом диспута и становлюсь только слушателем и зрителем происходящего. Следовательно, из области объективной правды перехожу в область субъективных свидетельских показаний.

Когда во время антракта выяснилось, что вся публика уже осведомлена, что И. Е. Репин находится в зале и что пристав разрешает слово самому Репину и его ученикам, то член "Бубнового валета" художник Мильман⁴⁶² подошел к Репину и предложил ему отвечать мне. Когда Репин поднялся на верху амфитеатра, чтобы говорить, вся публика повскакивала со своих мест, а председатель А. Б. Якулов предложил ему спуститься вниз на кафедру, чтобы лучше быть услышанным. Замешательство и крики "сойдите на кафедру", "пусть говорит с места" длились несколько минут. Речь И. Е. Репина сохранилась в моей памяти в таких отрывках.

"Я не жалею, что приехал сюда... Я не потерял времени... Автор человек образованный, интересный лектор... У него ... много знаний... Но... тенденциозность, которой нельзя вынести... Удивляюсь, как образованный человек может повторять всякий слышанный вздор. Что мысль картины у меня зародилась на представлении "Риголетто" - чушь! И что картина моя оперная - тоже чушь... Я объяснял, как я ее писал... А обмороки и истерики перед моей картиной - тенденциозный вздор. Никогда не видал... Моя картина написана двадцать восемь лет назад, и за этот долгий срок я не перестаю получать тысячи восторженных писем о ней, и охи, и ахи, и так далее... Мне часто приходилось бывать за границей, и все художники, с которыми я знакомился, выражали мне свой восторг... Значит, теперь и Шекспира надо запретить?... Про меня опять скажут, что я самохвальством занимаюсь..."

Говоря это, Репин как бы все больше и больше терял самообладание. Сколько помню, затем он говорил об идее своей картины, о том, что главное в ней не внешний ужас, а любовь отца к сыну и ужас Иоанна, что вместе с сыном он убил свой род и, может быть, погубил царство. "И здесь говорят, что эту картину надо продать за границу... Этого кошунства они не сделают... Русские люди хотят довершить дело Балашова... Балашов дурак... такого дурака легко подкупить..."

На этом кончилась речь Репина. С появлением на кафедре его ученика г. Щербиновского бурная атмосфера начала еще более сгущаться.

Он говорил о том, что не может молчать, когда его гениальный учитель плачет, когда он ранен. "Мне пятьдесят пять лет, а я младший из учеников Репина, я мальчишка и щенок..." Затем он сравнивал Репина с Веласкесом. Говорил, что рисунок есть понятие, никакими

⁴⁶² Мильман Адольф Израйлевич (1886-1930).

словами неопределимое, что "искусство - это такая фруктина..." и т. д. Восстанавливать содержание его речи я не берусь.

Выступивший вслед за ним Д. Д. Бурлюк говорил очень сбивчиво. Выход Репина, покинувшего аудиторию при овациях со стороны публики, перебил его речь. Он спутался и заявил, что чувствует себя нехорошо и будет продолжать речь после⁴⁶³.

Вслед за Бурлюком говорили Георгий Чулков и А. К. Топорков, оба официальных оппонента, принявшие участие в диспуте по моей просьбе. ... После окончания речи Топоркова снова говорил Д. Бурлюк. ...

В заключение диспута я, обращаясь к публике, сказал:

"Прежде всего, я хочу поблагодарить И. Е. Репина, хотя теперь и заочно, так как он уже покинул аудиторию, за то, что он сделал мне честь, лично явившись на мою лекцию. К сожалению, отвечая мне, он совсем не коснулся вопросов моей лекции по существу: он не ответил ни на устанавливаемое мною различие реального и натуралистического искусства, ни на поставленный мною вопрос о роли ужасного в искусстве. В последнем же вопросе, нарочно подчеркиваю и упираю на это, заключается весь смысл моей лекции и моих нападений на картину Репина"⁴⁶⁴.

⁴⁶³ 319 Сам Бурлюк вспоминал: "Вечер открылся речью Макса Волошина, который читал свое слово по тетрадке.

Толстый, красный - с огненными волосами, бурей стоявшими над лбом, он был какой-то чересчур уж, в своем буржуазном успехе, неподходяще спокойный, стоя на эстраде среди всеобщего возбуждения тысячной молодой толпы.

На экране по изложению истории с картиной появилось само произведение, цапнутое торопливой нервной рукой большого Балашова.

Высоко в последних рядах аудитории, через два сиденья от меня, поднялась небольшая, в застегнутом сюртуке, фигурка. Лицо, изборожденное сетями морщин, коричневатое: фигурка говорила глухим голосом, сразу ставшим близким и знакомым всем.

Это был Илья Ефимович Репин.

"...Я испытывал тревогу, приближаясь по залам к моему холсту... Да... в содеянном виноваты новые... бурлюки..."

Был дан свет: картина с черными полосами балашовской вивисекции исчезла с экрана.

В окружающей толпе царила напряженная тишина: все ждали скандала... событий.

И. Е. Репина стали упрашивать перейти на эстраду, но он вдруг, видимо, потеряв спокойствие, с которым начал речь свою, речь ректора академии, которого привыкли подчиненно слушаться, продолжал уже с тоном раздражения и обиды:

"...Я не хочу... Я сейчас уйду... мне только хотелось послушать, что скажут такой многочисленной аудитории... о несправедливо содеянном..."

Проговорив это, устремился меж сиденьями вверх, а далее по боковому проходу, в гардеробную" (Бурлюк Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Машинопись. - ГПБ, ф. 552, ед. хр. 1).

⁴⁶⁴ 320 Рецензент журнала "Русская художественная летопись" (1913, № 3) так оценил выступление Волошина: "Насколько можно вывести из газетных сообщений, доклад этот был едва ли своевременен. Как бы ни относиться к знаменитой картине, нельзя же отрицать, что она яркое выражение искусства своего времени, и потому, конечно, ей место не в паноптикуме, как утверждал Волошин. Но, думается, совсем бестактно было если не самое присутствие Репина, то его "взволнованное" выступление и особенно - вторичное обвинение новейших художественных настроений, как почвы для художественного вандализма"

В том же номере журнала "Русская художественная летопись" Волошина поддержал критик Я. А. Тугенхольд: "Правильный (как бы ни смотрели на его своевременность) отпор, данный М. Волошиным Репину, трижды обвинившему молодежь в подкупе Балашова, вызвал со стороны московской прессы преувеличенно яростные нападки против "Бубнового валета", под флагом которого выступил Волошин... Я говорю - правильный, потому что дело шло не только о протесте против обилия крови в репинской картине ..., но и о протесте против тех "кулачных приговоров" ..., которыми Репин всегда расправлялся с инакомыслящими художниками".

На втором диспуте по поводу картины Репина, устроенном художниками "Бубнового валета" 24 февраля 1913 г., в прениях выступил В. В. Маяковский (см. газету "Русское слово". М., 1913. 26 февраля). По свидетельству московской газеты "Русские ведомости" (1913. 26 февраля), Маяковский заявил, что "Бубновый валет" "даже скандала не сумел устроить". "М. Волошина оратор обозвал лакеем "Бубнового валета" за то, что он, не восприняв в поэзии принципа новой живописи ("цвет, линия и форма должны быть самодовлеющей величиной"), выказал себя солидарным с "Бубновым валетом" в оценке картины Репина".

Затем я в кратких словах отвечал Топоркову, на его критику моего деления реального и натурального, и Чулкову, на вопрос о значении кубизма, не касаясь больше ни Репина, ни его картины.

Так прошел фактически диспут "Бубнового валета".

На следующий день начинается процесс преобразования действительности в хроникерских отчетах. Свидетели начинают путать, кто за кем гнался: арлекин за негром или негр за арлекином. ...

На второй день начинается следующая стадия. Выражают свое мнение те, что на лекции не присутствовали, а прочли отчеты об ней. Действительность получает вторичное преобразование:

"...Третьего дня, во вторник, в Москве произошло явление, по реальным последствиям бесконечно меньшее, чем исполосование репинской картины, но по своему внутреннему содержанию гораздо более отвратительное. ...

То, что произошло третьего дня, было безмерно постыднее, гаже, оскорбительнее, чем неосмысленный поступок безумного Балашова". ...

На третий день те, что не были на лекции, не читали отчетов, а читали только статьи, написанные на основании отчетов, дают уже такие свидетельские показания:

"В лапы дикарей попал белолицый человек..."

Они поджаривают ему огнем пятки, гримасничают, строят страшные рожи и показывают язык.

Приблизительно подобное зрелище представлял из себя "диспут" бубновых валетов, на котором они измывались над гордостью культурной России - И. Е. Репиным". ...

Одна из газет воспроизводит мою фотографию, вырезанную из группы, где я снят вместе с Григорием Спиридоновичем Петровым и Поликсеной Сергеевной Соловьевой, в своем обычном рабочем костюме, который ношу у себя в Крыму (где живу, между прочим, уже 20 лет): холщовой длинной блузе, подпоясанной веревкой, босиком и с ремешком на волосах, на манер, как носят сапожники. Портрет воспроизведен с таким комментарием:

"Максимилиан Волошин, громивший Репина на диспуте. На фотографии он изображен в "костюме богов". В таком виде он гулял в течение прошлого лета в Крыму, где этот снимок и сделан (Ран[нее] утро)". ...

Дальше, на четвертый, на пятый день, свидетельские показания прекращаются совсем, и слышны только истерические выкрики, негодующий вой и свист толпы. Газеты пестрят заглавиями: "Комары искусства", "Гнев божий", "Полнейшее презрение", "Бездарные дни", "Репин виноват".

Слышны голоса из публики: "Старого Репина, нашу гордость, обидели, и за него надо отмстить!", "Присоединяю и мой голос, голос оскорбленной в лучших чувствах своих русской женщины, к протесту против неслыханного издевательства нашей молодежи над красою и гордостью нашей, Ильей Ефимовичем Репиным!", "Присоединяюсь к протесту. Слава Илье Репину!", "Как больно, как стыдно, как страшно в эти бездарные дни!", "Полнейшее презрение! Бойкот выставок! А нашему гениальному Репину слава, слава и слава на многие годы!", "Присоединяем наши голоса к прекрасному крику негодования против неслыханной выходки наших мазилок!", "...нам, допускающим озлобленных геростратов совершать их грязную вакханалию, должно быть стыдно!". ...

Наконец все сливается в десятках и сотнях подписей известных, неизвестных лиц, присоединяющихся к протесту и подписывающихся под сочувственными адресами оскорбленному Репину.

Попробуйте теперь установить, что делали негр и арлекин, кто за кем гнался, в каких костюмах оба они были одеты, был ли произведен выстрел и кто на кого покушался.

Юлия Оболенская
